

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist,"

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Чела и мирские чела

Итак, "ЧЕла́" — это человек, предлагающий учителю собственную кандидатуру для прохождения у него ученичества, желая практически овладеть "скрытыми тайнами природы и дремлющими в человеке особыми психическими способностями". Духовный же учитель, к которому человек поступает в ученичество, называется в Индии "гуру". Подлинный гуру — это всегда искушённый знаток оккультных наук: глубоко овладевший как экзотерическими, так и эзотерическими (последними в особенности) знаниями; целиком подчинивший свою телесную природу ВОлЕ; выработавший в себе такие способности (сиддхи), которые позволяют ему не только управлять силами природы, но и постигать её секреты с помощью когда-то дремавших, а ныне пробуждённых к активной деятельности сил его собственной внутренней природы — таков он есть, подлинный гуру.

Предложить себя кандидатом в ученики — дело не сложное, а вот превратиться в адепта — это задача наисложнейшая из всех, какие только способен поставить перед собою человек. Существуют десятки людей, которые уже рождаются на свет поэтами, математиками, механиками, государственными деятелями и проч. Родиться же готовым адептом практически невозможно. В самом деле, хоть мы, бывает, и слышим о редчайших случаях появления человека, от рождения, наделённого исключительными способностями к овладению оккультными знаниями и способностями, но даже он должен проходить те же испытания и то же обучение, что и менее одарённые его собратья, стремящиеся овладеть тайнами оккультизма. Здесь не существует проторённых путей и здесь все равны.

Отбор чела, не принадлежащих к группе потомственных храмовых (гон-па) учеников, на протяжении веков производился самими же гималайскими Махатмами из числа природных мистиков (довольно многочисленных, если говорить о Тибете).

Редкими исключениями здесь стали такие западные фигуры, как Фладд, Томас Воган, Парацельс, Пико делла Мирандола, граф Сен-Жермен и проч., природная предрасположенность которых к этой божественной науке в большей или меньшей степени побуждала далёких Адептов вступать с ними в личные отношения, благодаря чему первые могли получать от них крупинки целостной истины — кто в большем, кто в меньшем объёме, в зависимости от того, насколько позволяли им это делать окружающие социальные условия.

Как мы узнаём из книги IV "Тью-де" (глава "Законы упасан"), существовали определённые требования, которым должен был отвечать чела. Они включают в себя:

- (1) *наличие безупречного физического здоровья;*
- (2) *абсолютную чистоту мыслей и тела;*
- (3) *отсутствие своекорыстных побуждений; всепоглощающее чувство милосердия; сострадание ко всему живому;*
- (4) *правдивость и несгибаемую веру в силу закона кармы, действующего самостоятельно и стоящего превыше любых сил, и могуществ природы: помешать осуществлению этого закона не в силах даже самые высокие разумные сущности и отменить его действие не в состоянии никакие молитвы и никакие экзотерические церемонии по умилоствлению богов;*
- (5) *несокрушимое мужество, проявляемое в минуту любой опасности, даже при наличии угрозы для жизни;*
- (6) *интуитивное ощущение себя как носителя, проявленного Авалокитешвары, то есть божественного Атмана (божественного духа);*
- (7) *умение, сохраняя невозмутимую беспристрастность, выносить справедливое суждение в отношении всего, что образует объективный и временный мир во всех его связях и отношениях с незримыми сферами бытия.*

Таковы минимальные критерии, которым должен был отвечать человек, стремящийся пройти полный курс ученичества. Единственное исключение могло быть сделано лишь в отношении первого требования, которое в редких и исключительных случаях могло быть смягчено, но все указанные пункты были обязательны, и необходимые качества должны были в той или иной степени формироваться во внутренней природе чела благодаря его собственным и самостоятельным усилиям. Только после этого он допускался к настоящим испытаниям.

Когда такой формирующий сам себя аскет — живя как в миру, так и вне его — по своим природным способностям оказывается в состоянии подняться над собой, то есть когда он уже может подчинять себе свои (1) тело — шарину; (2) чувства — индрия; (3) недостатки — доша; и (4) ощущения боли — дуккха; когда он уже готов к слиянию со своим умом — манасом; мыслетворчеством, или духовным разумом — буддхи; и наивысшей душой (т.е. духом) — Атманом; когда он уже готов к пониманию того, что наивысшим правителем в мире чувственных восприятий является Атман, а его наивысшей исполнительной силой, энергией, является воля, то тогда по правилам, освящённым веками традиции, его может взять под свой присмотр один из Посвящённых. Только после этого ему, возможно, будет указан тот таинственный путь, лишь в самом конце, которого чела сможет научиться безошибочно определять плоды (пхала) порождаемых человеком причин, обрести средства для освобождения (апаварга) от страданий, приносимых повторными рождениями (чего не обладающий знанием человек сделать не сможет), и тем самым избежать новых перевоплощений (претьябхава).

Однако со времени учреждения Теософского общества, одной из

Генри Стилл Олькотт (1832-1907)

самых труднодостижимых задач которого является попытка пробудить в арийском сознании дремлющую в нём память о существовании этой науки и этих трансцендентных человеческих способностях, правила отбора чела были несколько смягчены в одном отношении.

Многие члены Общества, у которых в ином случае не было бы вообще никаких шансов когда-либо стать учениками, получили практические доказательства реальности вышесказанного и, вполне справедливо полагая, что если указанной цели до сих пор достигали другие, то и они — а вдруг их тоже сочтут готовыми к этому? — могут добиться того же, следуя тем же путём, а потому и стали настойчиво домогаться принятия их в кандидаты.

А поскольку отказать им в праве хотя бы попытаться было бы чистейшим вмешательством в работу кармы, то, учитывая их настойчивость, такой шанс им был дан. Однако достигнутые на сегодняшний день результаты нас далеко не радуют, и для того, чтобы указать им на причину их неудачи и одновременно предостеречь остальных от необдуманных и скоропалительных решений, которые и их обрекли бы на ту же судьбу, и было велено написать эту статью.

Те кандидаты, о которых мы говорим, были обо всём откровенно предупреждены изначально, и, тем не менее, все они совершили ошибку, рассчитывая на удовлетворение своих своекорыстных интересов в будущем, но закрывая при этом глаза на собственное прошлое. Они позабыли о том, что сами пока что не сделали ещё ничего для того, чтобы заслужить редкую честь оказаться в числе избранных, у них на счету не было ровно ничего, что позволило бы им рассчитывать на подобную привилегию, и ни одним из вышеперечисленных достоинств они не могли бы похвастаться. Выходцы из корыстолюбивого чувственного мира, все они — женатые и холостяки, коммерсанты и чиновники, военнослужащие и представители учёных профессий — уже имели за плечами ту школу жизни, которая была в первую очередь рассчитана на закрепление в них именно животного начала, а вовсе не на развитие их духовного потенциала.

Однако голос тщеславия у всех у них оказался так силён, что заставил их предположить, будто для них-то уж наверняка будет сделано исключение из того закона, который действует на протяжении неисчислимых веков — можно подумать, в их лице мир должен был обрести нового Аватару! Они рассчитывали на то, что их всё-таки станут обучать тайным знаниям и что они смогут обрести необыкновенные способности по одной-единственной причине — они, видите ли, состоят в Теософском обществе.

Хотя при этом кое-кто — и нужно отдать им должное — действительно искренне хотел изменить свой жизненный уклад к лучшему и был решительно готов отказаться от прежнего дурного образа жизни

е.П. блаватская (1831-1891)

Поначалу всем им было сказано твёрдое "нет" — и прежде всего самому президенту Общества, полковнику Г. Олькотту, и только спустя год с лишним он был уверенно допущен к испытаниям и официально принят в ученичество, чего заслужил своей преданностью делу и кипучей энергией, для которой не существовало слов "не могу". Вот тут-то и посыпались жалобы со всех сторон — от индусов, полагающих, будто они в этих вопросах разбираются лучше всех, и от европейцев, которые, разумеется, в этих правилах не разбирались вообще.

Пошли на этот счёт разные пересуды — дескать, если хотя бы нескольким теософам не предоставить случая попытать удачи, то Общество тут же рухнет. Все остальные благородные и совестливые требования нашей программы, взывавшие к долгу перед своим ближним, перед отечеством, к долгу помогать, просвещать, ободрять и выручать слабых и менее удачливых — всё было отброшено в той бешеной лихорадке, когда каждый был обуреваем желанием всенепременно стать адептом.

Из каждого угла раздавались требования: феноменов! феноменов! феноменов! Основателям Общества не давали спокойно работать, назойливо домогаясь их ходатайства перед Махатмами, которые-то и стали вызывать главную досаду, хотя изрядно доставалось на орехи и их несчастным представителям.

Наконец от высших иерархов пришло решение поймать на слове наиболее докучливых просителей. Результаты этого эксперимента, пожалуй, лучше любых проповедей объяснят, что значит быть чела на самом деле и каковы могут быть последствия своекорыстных устремлений и опрометчивых решений.

Каждого кандидата сразу же предупредили о том, что ему в любом случае придётся прождать несколько лет, пока проверкой не будет установлено, насколько он готов к ученичеству, а для этого ему придётся пройти ряд испытаний, которые должны будут выявить в нём все стороны его натуры — и добрые, и дурные.

Почти все они оказались женатыми мужчинами, а потому и стали именоваться "мирскими чела" — термин этот, новый в английском языке, имеет, однако, древние эквиваленты в азиатских языках.

Мирским чела называют любого живущего в миру человека, который подтверждает своё желание овладеть духовными знаниями. Собственно говоря, всякий член Теософского общества, согласный с второй из трёх его "Провозглашённых Задач", как раз и является таким мирским чела, ведь, даже не принадлежа к числу "чела" в полном смысле этого слова, он, тем не менее, имеет все возможности стать таковым, ибо считается, что он уже перешагнул черту, прежде отделявшую его от Махатм, и как бы оказался в их поле зрения.

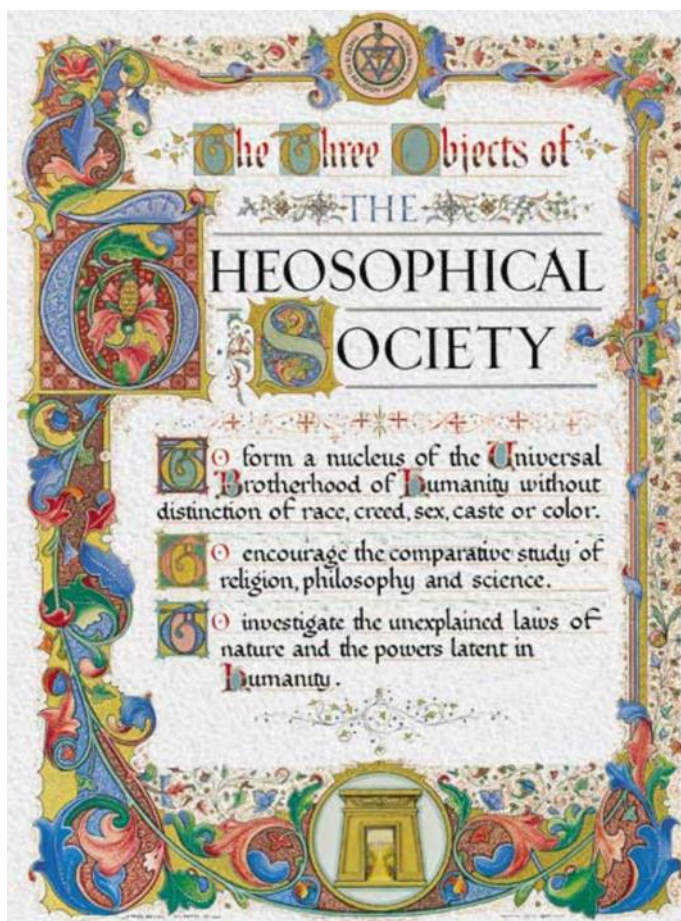
Вступив в Общество и связав себя обязательством содействовать его работе, он тем самым уже дал обещание действовать в какой-то мере воедино с Махатмами, по указанию которых Теософское общество было учреждено и под условной защитой которых оно действует.

Членство в Обществе, следовательно, — это только лишь начало, тогда как всё остальное целиком зависит от самого человека, и ни одному чела никогда не следует рассчитывать даже на самую малую "благосклонность" со стороны наших ли или каких-либо иных Махатм, действующих в мире — если только последние пожелают ради этого выйти из тени своей безвестности — пока не окажется достоин того исключительно благодаря собственным заслугам.

Махатмы — всего лишь слуги Закона Кармы, а не арбитры, вершащие от его имени свой суд. Положение мирского чела дарует соискателю лишь одну-единственную привилегию — достойно трудиться под наблюдением Учителя. И неважно, предстаёт ли Учитель зримо перед своим чела или нет, на конечных результатах это никак не скажется: всё равно добрые мысли ученика, его добрые слова и дела принесут свои плоды, а недобрые — свои.

Если же мирской чела начнёт хвастаться своим положением, выставлять его на показ, то это будет означать для него лишь одно: все его отношения с гуру превратятся в пустой звук, поскольку такие действия окажутся *primâ facie* доказательством тщеславных стремлений ученика и его неготовности к дальнейшему развитию. Долгие годы мы проповедуем всюду, где только можно, одну и ту же максиму:

"Сперва заслужи, а потом уж и желай" близости к Махатмам.

Три задачи Теософского общества

А теперь мы должны рассказать читателю об одном законе, действующем в природе: закон этот беспощаден, но обойти его невозможно. Он-то и поможет нам разгадать на первый взгляд странную загадку: как так могло получиться, что при отборе "чела" в течение последних нескольких лет выбор пал именно на таких людей, которые на поверку оказались далеко не лучшими представителями человеческой нравственности?

Читатель наверняка помнит поговорку: "не буди лиха", но даже не представляет себе, насколько глубокий оккультный смысл в ней заключён.

Ни один человек — будь он мужчиной или женщиной — никогда не знает наперёд, сколь силен или слаб его моральный дух, пока соответствующие обстоятельства не испытают его на прочность.

Тысячи и тысячи людей могут вполне благополучно прожить свою жизнь, окружённые всеобщим уважением, лишь только потому, что, как говорится, никогда по-настоящему не попадали в переплёт. Всё это, разумеется, уже набившая оскомину истина, однако она имеет самое прямое отношение к предмету нашего разговора.

Человек, вознамерившийся попытать свои силы в качестве чела, уже самым этим обстоятельством пробуждает и доводит до отчаянности все дотоле дремавшие в нём животные страсти. Ибо это решение чела возвещает начало разворачивающейся в нём борьбы за обладание им — борьбы, в которой половинчатой победы быть не может. Здесь требуется или всё, или ничего, вопрос поставлен предельно остро: "быть или не быть". Взять верх, покорить животную природу — значит стать адептом; потерпеть крах — значит окунуться в позор мучительного поражения, поскольку пасть жертвой сладострастия, гордыни, алчности, тщеславия, себялюбия, трусости и любой другой человеческой слабости означает действительно позор, если мерить его эталоном истинного человека.

Чела предстоит столкнуться лицом к лицу не только со всеми дремавшими в нём скверными свойствами его собственной натуры, но и, в добавок ко всему, ещё и с полным набором тех злотворных качеств, что накопились к этому моменту в его родной общине, в собственном народе. Ведь он — неотъемлемая частица коллектива людей, и всё, что воздействует на одного человека, на одну группу людей (город или страну), отзывается и на всех остальных.

И в данном случае все направленные к благу усилия чела лишь растрavляют те наклонности ко злу, которые могут быть свойственны его окружению, вызывая со стороны последнего ответную ярость. Если человек согласен и дальше плыть по течению в одной лодке со своими ближними, ничуть не отличаясь от прочих — ну, может быть, оставаясь чуть лучше или чуть хуже среднестатистического человека — то никто ему и слова дурного не скажет.

Но едва лишь станет известно, что ему оказалось по силам углядеть пустоту и притворство в жизни окружающего его общества, распознать его лицемерие, своекорыстие, устремлённость к чувственным ощущениям, алчность и прочие скверные качества, едва лишь он вознамерится потянуться к чему-то высокому, как тут же общество обрушится на него со всей своей ненавистью, и порочная, фанатичная или злобная натура каждого направит на него противоположный поток воли, исполненной злотворной силы.

Если он окажется внутренне силен, то даже не заметит её, как не замечает силы сопротивления и могучий пловец, плывущий против течения, способного унести в открытое море более слабого. Но окажись только у чела хотя бы один-единственный скрытый порок, то что ни делай, он в этой нравственной битве должен проявиться и непременно проявится.

Внешний лоск тех условностей, который наложила на всех нас "цивилизация", должен сойти без остатка, — вот тогда только и раскроется внутреннее "Я" человека, оно предстанет во всей своей наготе, не прикрытое ни малейшим покровом, скрывающим его неоспоримую реальность.

Те общественные нормы, которые в какой-то мере позволяют удерживать людей в моральной узде и заставляют их, и хороших, и дурных, хотя бы для виду воздавать должное добродетели, могут теперь оказаться легко позабыты человеком, проходящим своё суровое ученичество, и не такой уж жёсткой может показаться узда, избавиться от которой не составляет и труда. Чела погружён в атмосферу иллюзий — майю. Порок нацепляет на себя самую обольстительную маску, а прельщающие страсти пытаются соблазнить неискущённого искателя знаний и утащить его в бездны психических аномалий.

Шахматисты (Фридрих август Мориц ретч)

Всё происходит не совсем так, как изобразил на своём полотне один великий художник, где сатана играет в шахматы с молодым человеком, поставившим на кон собственную душу, а подле него стоит помогающий ему в игре добрый ангел. Ибо поединок в данном случае происходит между волей чела и его плотью, и при этом закон кармы не разрешает какому бы то ни было ангелу или гуру вмешиваться в процесс до тех пор, пока не станет известен итог этой битвы.

Пользуясь своей яркой поэтической фантазией, Э. Булвер-литтон воссоздал этот процесс в своём романе "Занони", который будет вечно пользоваться признанием среди оккультистов, а в другом своём романе, "Странный случай", он с равной поэтической силой изобразил тёмную сторону оккультных изысканий и те смертельные опасности, которые подстерегают человека на этом пути.

Ученичество, как недавно сформулировал один из Махатм, подобно некоему "психическому растворителю, разъедающему любую грязь и оставляющему после себя одно лишь чистейшее золото".

Если в кандидате скрытно присутствуют тяга к деньгам, политическое крючкотворство, материалистический скептицизм, тщеславие, лживость, жестокость или жажда чувственных наслаждений любого рода, то их малейший зародыш, почти несомненно, даст видимый росток — то же самое происходит и со всеми благородными свойствами человеческой натуры. На свет выходит человек во всём своём истинном облике.

В самом деле, ну, разве это не верх безумия — сойти с накатанного пути серого, обывательского существования только ради того, чтобы карабкаться по обрывистым скалам ученичества, не будучи при этом вполне убеждённым, что ты действительно сделан из нужного для этого материала? Верно сказано в Библии: "кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть" — над этими словами должен хорошо поразмыслить каждый кандидат в ученики, прежде чем без оглядки бросаться в бой.

Кое-кому из наших мирских чела, право, стоило в своё время подумать дважды прежде чем с риском для себя соглашаться на испытания. Мы можем вспомнить сразу несколько случаев, когда попытка пройти необходимые испытания заканчивалась для кандидата самым печальным образом — и всё это лишь за один последний год.

Один сошёл с ума и отрёкся от тех благородных мыслей, которые высказывал всего лишь за пару недель до того, после чего принял ту самую религию, к которой прежде испытывал презрение и считал однозначно ложной.

Второй растратил деньги хозяина фирмы, в которой служил, и сбежал вместе с ними от преследования — кстати, хозяин компании тоже является теософом.

Третий пустился в самый откровенный разгул, в чём, вздыхая и проливая бессильные слёзы, он и признался гуру, которого сам же и выбрал для себя.

Четвёртый, запутавшись в любовных делах, рассорился со своими самыми близкими и верными друзьями.

Пятый стал вдруг проявлять признаки умопомешательства и был отдан под суд по обвинению в непристойном поведении.

Шестой совершил преступление и застрелился, оказавшись на грани разоблачения.

Этот список мы могли бы продолжать и продолжать. А ведь всё это были, казалось бы, искренние искатели истины и слыли в миру почтенными членами общества. Внешне все они выглядели вполне достойными кандидатами в ученики, но это — лишь снаружи, а "внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты".

Снаружи их покрывал такой густой слой мирского глянца, что было совершенно незаметно отсутствие под ним чистого золота. Однако "растворитель" сделал своё дело и оказалось, что в каждом отдельном случае человек под внешней своей позолотой скрывал нравственную мерзость, поразившую его насквозь до самой глубины...

Всё сказанное относится, разумеется, к неудачам, постигшим только мирских чела. Среди них имеются, правда, и случаи частичного успеха, и эти люди сейчас мало-помалу проходят начальные этапы своего испытания. Кто-то из них своим добрым примером уже служит назиданием людям и тем приносит пользу как самому Теософскому обществу, так и миру в целом.

Если они устоят, будет хорошо для них, хорошо для нас. Да, трудности, которые стоят у них на пути, страшно велики, однако "нет ничего невозможного для того, кто дерзает". Эти трудности на пути ученичества уменьшатся лишь тогда, когда изменится сама человеческая природа и когда возникнет новый тип человека.

Возможно, именно к чела и относятся слова ап. Павла (Рим. 7, 18,19), когда он говорил:

"...желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю".

И, как написано у Бхарави в его мудрой "Киратарджунии",
Победить нелегко тех врагов, что главу поднимают в теле из плоти,
...

*Но волей могучею страсти злые должны быть повержены в прах,
Властелином миров станет тот, кто их одолеет. (xi, 32).*